

В последний год жизни отца Стефана я подолгу жил при храме в Мартуке. Батюшка часто вспоминал о своем последнем часе. Однажды он уже за несколько месяцев до смерти мне сказал: «Саша, в эту ночь мне являлся преподобный Иов Почаевский (а надо сказать, что о. Стефан когда-то в детстве был послушником Почаевской Лавры - авт.) и назвал мне день и час моей смерти. Теперь мне надо торопиться переехать в Почаев, чтобы там меня и похоронили, а то здесь похоронят на кладбище и никто не вспомнит обо мне и не придет на могилочку.». Я стал возражать, что нет батюшка, священников обычно хоронят около храма, на что он промолчал.

Он никогда не жаловался на свои болезни, и даже когда он очень болел, никто этого не замечал, всем казалось, что он здоров.

Однажды со мной произошло такое чудо, о котором я не решаюсь говорить по причине того, что меня смогут счесть безумным. У отца Стефана был большой улей, мы подошли с бабушкой, он, как обычно, стал разговаривать с пчелками. Удивительно было то, что пчелы ему отвечали (!) - отвечали человеческим языком. У меня до сих пор в ушах стоит их тоненький шепот: «Отец Стефан, отец Стефан...» А когда о.Стефана не стало, то пчелки еще очень долго летали над его могилкой, а Бобик - небольшая собачонка, жившая при храме, - прямо так и спала на могилке. Я сам в это время был сторожем и видел это своими глазами. Отец Стефан в то время был единственным митрофорным протоиереем, перенес многолетнее «путешествие» в Карагандинский лагерь. Как он рассказывал, в лагере он был младшим современником Севастиана Карагандинского, т.е. когда бабушку Севастиана уже выпустили, на его место пришел о.Стефан.

После смерти о.Стефана практически всё разворовали, а Бобика съели. Когда бабушке стало уже совсем плохо, то он попросил привести врача. Я пошел искать, но мартукские врачи мне отвечали: «Всегда он нас лечил своими молитвами и неужели теперь он сам нуждается во враче?» Никто не ожидал, что он так быстро отойдет ко Господу. Все думали, что он будет жить еще долго-долго. И он также продолжал рубить дрова своим тупым топором и, конечно, совершать Богослужения ... до дня свой кончины.

Иногда духовная связь, духовная дружба выше даже родственных уз, и человек по духу может быть ближе, чем родственник. Так случилось и в моей жизни: отец Стефан по возрасту был как мой папа, но почему-то отношения с ним у меня были ближе, чем с родным отцом. Мой папа даже ревновал меня к нему, а я ничего не мог с собой поделать. Любил бабушку Стефана, любил, конечно, и своего папу, но в душе почему-то чувствовал, что мой духовный отец ближе мне, чем родной. Не знаю, почему так, но я это чувствовал.